

УДК-327(470+571)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

К. А. Пахалюк¹

Актуализацию тематики Первой мировой войны в контексте культурного измерения внешней политики России автор предлагает рассматривать как совокупность символических жестов, а также действий, направленных на создание «инфраструктуры памяти» (установка памятников и обустройство захоронений), которая позволяет обрести собственное место в символическом пространстве других государств. Смысловое наполнение данного процесса детерминировано прежде всего российским публичным дискурсом (а именно дискурсом подчиненности) и приоритетами внешней политики.

Ключевые слова: культурная дипломатия; общественная дипломатия; дискурс; Первая мировая война; политика памяти.

Культурный фактор в последние десятилетия все больше привлекает внимание исследователей международных отношений, что можно связать как со стремлением сформировать более детализированное видение мирополитических процессов, так и с влиянием общих тенденций развития социальных наук – попытками определить место и роль «идеальных» факторов в социальных и политических процессах. Мы выделяем два направления исследований взаимодействия культуры и политики. С одной стороны, интерес может заключаться в определении степени зависимости внешней политики государства от культурных (или более корректно, «идеальных») факторов [31]. С другой стороны, культура может рассматриваться как непосредственная часть (предмет) политики и международных отношений, как определенная сфера деятельности, а именно культурная политика и культурная дипломатия [29]. В глобалистике речь идет о глобальном управлении культурными индустриями [33]. В контексте науки о международных отношениях культурная дипломатия привлекает сравнительно мало внимания, причем это измерение, по сравнению с военным, политическим или экономическим, считается вторичным, менее значительным. Неудивительно отсутствие единого понимания этого явления, а также сведение его к смежным областям – публичной дипломатии и страновому брендингу [32].

---

¹ Пахалюк Константин Александрович – аспирант кафедры политической теории МГИМО (У) МИД России, член Российской ассоциации историков Первой мировой войны. E-mail: kap1914@yandex.ru.

© Пахалюк К. А., 2017

Более узко культурное измерение внешнеполитической деятельности может быть концептуализировано в рамках понятия «мягкой силы», которое в начале 1990-х гг. ввел американский политолог Дж. Най для описания методов удержания США своей гегемонии. В этом смысле «мягкая сила» может рассматриваться как операционализация более общего понятия «символической власти» (П. Бурдьё), которая заключается в праве на номинацию. Соответственно, «культурная составляющая» рассматривается как совокупная часть мощи государства, его способности влиять на международные процессы. В этом плане интересным является проведенное П.Б. Паршиным выделение двух когнитивных моделей, в рамках которых может рассматриваться «мягкая сила»: это либо коммуникативная технология, либо как ресурс притягательности актора, своеобразная репутация или бренд [21].

Описанные выше подходы, как правило, разрабатывались для проведения анализа на макроуровне. Наш же интерес заключается в ином: рассмотрев конкретные шаги, связанные с актуализацией тематики Первой мировой войны (ввиду ее 100-летнего юбилея), сделать вывод об особенностях того, что можно определить как культурное измерение российской внешней политики. Отметим, что оно не ограничивается собственно деятельностью официальных органов власти (и связанными с ними общественными и религиозными организациями), а включает активность общественных и бюджетных (музеи, университеты) учреждений, а также частных лиц (например, соотечественники), что обычно включают в определение общественной дипломатии. У нас нет оснований видеть во всем этом некую иерархичную централизованную систему (по крайней мере, на примере нашего исследования). Потому мы и говорим о культурном измерении внешней политики: помимо того, что делается собственно государством, существуют многочисленные практики и активности, которые либо создают общий фон, либо воспринимаются (насколько обоснованно, отдельный вопрос, зачастую остающийся без ответа для внешнего наблюдателя) как часть культурной политики.

Существует соблазн рассматривать нашу тему в качестве производной от мероприятий, связанных со 100-летием Первой мировой. Однако в России государственная историческая политика обратилась к этой теме только в 2012 г., в то время как внешнеполитическая активность началась ранее. Потому есть основания говорить о том, что динамика исходила с международного уровня: значимость тематики Первой мировой для ряда страна Запада заставила и российскую дипломатию обеспокоиться участием России в этом юбилее. Это резонировало и с повседневной деятельностью ряда дипломатических представительств, направленной на создание сетей дружественных контактов с иностранной общественностью, а также поиск и актуализацию общих тем. Одной из них было и общее прошлое, а одной из основ – наличие сохранившихся захоронений русских солдат.

Показательно, что, судя по официальному сайту Кремля, впервые к этой теме президент В.В. Путин обратился в 2005 г. во время совместного интервью

с германским канцлером Г. Шредером газете «Бильд». На вопрос о ненависти к немцам из-за гибели во время блокады Ленинграда его брата Путин ответил отрицательно, указав на то, что ту войну развязал режим, а затем подкрепил аргументацию примером из семейной истории: «Мама рассказывала мне историю про моего деда, который был солдатом во время Первой мировой войны. Тогда войска противоборствующих сторон залегли в окопах в поле видимости друг друга. На участке, где воевал ее отец, по другую сторону линии фронта заняли позиции австрийские солдаты. Мой дед выстрелил в одного из австрийцев и тяжело ранил его. И вот тот лежит в луже собственной крови, и никто не спешил ему на помощь. Тогда мой дед выбрался из окопа и перевязал раненого. И прежде чем расстаться, они расцеловали друг друга» [25]. Этот сюжет возникает как пример должного поведения и отношения к противнику, «правильной войны». История весьма удачна с точки зрения «времени и места» ее произнесения: в Европе при обращении к истории Первой мировой «национально-героический» нарратив постепенно вытесняется «общечеловеческим», с акцентом как на страданиях простого человека, так и на примерах торжества общечеловеческих ценностей.

Продвижение темы Первой мировой в контексте внешней политики началось в 2000-е гг. на уровне отдельных посольств в странах (в частности, в Литве, Латвии, Чехии, Австрии, Франции), где сохранились захоронения русских солдат. Это была лишенная серьезного идеологического насыщения (тем не менее, координируемая из Москвы) локальная деятельность, направленная на выстраивание контактов и актуализацию «мест памяти», связанных с Россией. В этом плане Первая мировая была одной из возможных тем. Например, к 2004 г. при содействии посольства в Чехии было обустроено захоронение русских военнопленных в районе крепости Йозефов. В том же году министерства иностранных дел России и Литвы договорились об инвентаризации воинских захоронений. Активность здесь проявили посольство России в Литве и, в первую очередь, пророссийская общественная организация «Институт военного наследия». С 2011 г. регулярными стали круглые столы и конференции, к 2014 г. были реставрированы 13 мемориалов [12, 47–50]. Менее системной была работа в Латвии, хотя и здесь выстраивались отношения с различными пророссийскими общественниками, совместно с которыми обустроивались некоторые братские могилы (например, в Даугавпилсе в 2012 г.) [19]. В 2011 г. при поддержке Русского центра им. Надежды Бородиной в г. Мерано (Италия) было обустроено захоронение русских военнопленных в этой провинции [17].

Отметим, что в некоторых случаях инициативу проявляли зарубежные организации или граждане. Например, в 1990-е гг. благодаря усилиям историка Г. Хеппа был отреставрирован памятник русским солдатам-мусульманам в Церенсдорфе [6]. В Польше в середине 2000-х гг. местные энтузиасты в Лодзинском районе обустроили захоронения русских солдат [28]. В Приднестровье в 2011 г. появился памятник русским солдатам, павшим на полях сражений Пер-

вой мировой в этом регионе, а через три года была открыта мемориальная доска генералу А.А. Брусилову.

Другой не менее интересный пример преподносит Австралия, в национальной памяти которой участие австралийских сил совместно с новозеландцами (АНЗАК) в боях у Галлиполи является «учреждающим национальным мифом». Среди добровольцев АНЗАКА были и русские эмигранты, память о которых стала возрождаться усилиями русской общины. С 2007 г., после установки соответствующей мемориальной доски, стала ежегодной торжественная церемония возложения венков на центральном Военном мемориале в Мельбурне, в которой принимают участие представители местных властей, эмигрантских сообществ, казачества и православной церкви [3]. Другой подобный пример – деятельность общественности г. Нарвы (Эстония), благодаря усилиям которой с 1991 г. проводилась работа по обустройству кладбища 92-го пехотного Печорского полка.

С конца 2000-х гг. усилилась роль прогосударственных общественных организаций, прежде всего, Фонда «Русский мир», Фонда Горчакова, фонда «Историческая перспектива», Фонда Анатолия Лисицына, Фонда Андрея Первозванного, а также Русской православной церкви. С 2014 г. Российское историческое и Российское военно-историческое общества (ключевые институты государственной исторической политики) начали реализовывать отдельные проекты. По сути, задействовали практически те же структуры, которые занимались ранее борьбой против антироссийских интерпретаций истории Второй мировой войны. Формальный статус общественной организации позволял дистанцироваться от обвинений в изначальной ангажированности и политизации. Отметим, что опора на прогосударственные, но формально независимые организации является одной из основных характеристик российской исторической политики [14].

В качестве примера направления, где проявлялась наибольшая активность различных общественных организаций (включая и тех, которые никак не были связаны с государством), можно выделить западную Украину, территорию которой затронул известный «брусиловский прорыв». Начало было положено в 1991 г., когда прошло первое массовое мероприятие отечественных реконструкторов, посвященное Первой мировой. «Московский корпус» (ключевая организация реконструкторов) провела марш памяти по местам летнего наступления 1916 г., в котором приняли участие около 160 человек. Впрочем, местные украинские националистические сообщества, по воспоминанию одного из организаторов похода А.И. Таланова, восприняли появление людей в военной одежде как «попытку уже русских националистических объединений захватить контроль над областью и не дать состояться самостоятельности Украины» [27, 65]. Однако до столкновений так и не дошло. Интересно, что во время похода была случайно обнаружена могила русского полковника и нижнего чина, на которой реконструкторы соорудили деревянный крест. В дальнейшем в 1990–2000-е гг. продолжилось сотрудничество между российскими и украинскими реконструк-

торами, занимавшимися Первой мировой. В 2010 г. по инициативе украинской организации «Галицкая Русь» был инициирован гуманитарный проект Memoria Patriae по обустройству захоронений Первой мировой на Западной Украине. Основную финансовую поддержку оказал Фонд А. Лисицына (на тот момент депутат Госдумы из Ярославской области, впоследствии – сенатор), ежегодно стали волонтерные лагеря, организуемые для работ на захоронениях. Весьма показательно, что эти связи не были прерваны в 2014–2016 гг., хотя, разумеется, в сложившихся политических условиях их было невозможно вывести на более высокий уровень.

На этом же направлении Первая мировая оказалась частью «войн памяти» между Россией и Украиной, когда последняя стала активно выстраивать национальную идентичность на антироссийской основе. В частности, в 2010 г. президент В.А. Ющенко подписал Указ «О мероприятиях по празднованию, всестороннему изучению и объективному освещению деятельности Украинских сечевых стрельцов». Речь идет о добровольческом соединении в составе австро-венгерской армии, чье самое крупное боевое столкновение с русской армией произошло весной 1915 г. в боях за г. Маковка (Карпаты). Попытки героизировать эти бои нашли ответ в виде действительно фундаментального исследования В.Б. Каширина, который на основе впервые введенных в научный оборот документов указал на необоснованность украинской версии этих боев, поскольку в конечном итоге победу одержала именно русская армия [9].

С 2011 г., ввиду близящегося юбилея, Первая мировая война стала все чаще актуализироваться в контексте внешнеполитической деятельности. Стремясь подчеркнуть гетерогенность этого процесса, мы должны отделить использование этой тематики в повседневной дипломатической деятельности от более системной работы в рамках двухсторонних отношений с рядом европейских стран. В первом случае все сводилось к локальным мероприятиям и символическим жестам (весьма однообразным по своему содержанию) или же приурочиванию плановых событий к тематике Первой мировой, во втором – основной упор делался на открытии памятников (монументальная пропаганда), что благодаря участию высокопоставленных политических лиц становилось медийно значимыми мероприятиями.

Многочисленные мероприятия (в виде конференций, выступлений, выставок, публичных речей, статей, торжественных церемоний) мы рассматриваем как символические жесты, призванные указать и обозначить место России в тех событиях, представить ее как часть «европейской цивилизации». Используемая метафора «жеста» указывает на ограниченность мероприятий по времени и количеству вовлеченных лиц: конференции завершаются, выставки демонтируются, церемонии заканчиваются, статьи забываются, а спикеры дочитывают тексты выступлений до конца. Отсюда проистекает либо требование периодичности, либо поиск более устойчивых форм. Последнее определило, по видимому, особое внимание к созданию памятных мест, обустройству захоронений и установке новых памятников. Тем самым речь идет не о символиче-

ской борьбе (поскольку противник не просто аморфен, но и не конституируется в ходе этой деятельности), а о попытках обретения собственного места в символическом пространстве других стран. Если общее прошлое – это некий ресурс (отсылает к цитируемым выше идеям П.Б. Паршина), то этот ресурс требует серьезной работы по своему извлечению, предъявлению и использованию.

Идейная основа «юбилейной» деятельности (прежде всего, «дипломатии памятников», в несколько меньшей – локальных акций) была структурирована набирающим силу внутри России патриотическим дискурсом, в основу которого положено представление о ценности служения государству. А потому восстановление памяти о Первой мировой должно было стать обоснованием роли России как одного из ключевых членов Антанты, несправедливо исключенного из числа победителей. Здесь налицо преемственность центральной идеи, так как еще в годы самой Первой мировой войны подчеркивание значимости русского фронта было необходимым для накопления соответствующего символического капитала для будущих переговоров. В начале 1920-х гг. эти аргументы были взяты на вооружение советской дипломатией, которая искала пути выхода из международной изоляции и дополнительные обстоятельства, позволяющие отказаться от претензий европейских стран от реституции национализированной собственности. В эмиграции обоснование роли русского фронта было одним из способов нарастить «символический капитал» эмигрантских сообществ [10, 323]. В современной России этот тезис совпал с общим недоверием к странам Запада и их нежеланием признавать значимость России как игрока мирового уровня. На уровне внутрироссийского публичного дискурса подобные обиды, связанные со стремлением постоянно соотносить себя с другими странами (неважно идет ли речь о США, ЕС или Китае) и/или искать обоснования тех или иных действий в одобрительных заявлениях иностранцев (излюбленный риторический прием прессы), мы готовы назвать дискурсом подчиненности.

Дискурс подчиненности с его стремлением напомнить абстрактному Западу о роли России стал основой для встраивания темы Первой мировой в контекст внешней политики и принятия решений о том, как именно Россия должна позиционировать себя в рамках общеевропейского юбилея. Внешнеполитическая стратегия на европейском направлении дополнялась культурной дипломатией, которая пыталась подчеркнуть близость России и стран Европы посредством обращения к теме союзнических отношений в прошлом. Особое значение подобная риторика приобрела в период резкого ухудшения отношений с ключевыми странами ЕС в условиях «украинского кризиса».

Впрочем, идея значимости прошлых союзнических отношений могла быть желаемым образом воспринята только сторонниками национально-ориентированного восприятия прошлого, в то время как в 2000-х гг. силу набирала тенденция рассматривать Первую мировую как общую трагедию европейских народов с акцентом на страданиях простых людей. Разница во взглядах может быть продемонстрирована отношением к «рождественским перемириям» на фронте: если в ряде европейских стран (Франция, Великобритания) братания

являются символами единства воюющих народов, которые ввиду узких политических причин оказались по разные стороны линии фронта, то в России они оцениваются однозначно негативно как акты недостойного поведения и как свидетельство разложения армии, приведшее к распаду государственности. Неудивительно, что Россия оказалась не восприимчива к этому тренду, причем если в публичных заявлениях и говорилось о страданиях, то они выступали в качестве риторического аргумента, усиливающего исходный тезис о значимости России и недопустимости повторения западом своих ошибок. Например, 21 января 2014 г. министр иностранных дел С.В. Лавров на одной из пресс-конференций, говоря о выстраивании архитектуры безопасности, отмечал: «Знаковые даты, которые будут отмечаться в текущем году – 100-летие начала Первой мировой войны и 75-летие начала Второй мировой войны – напоминают о том, к каким катастрофическим последствиям приводят вера в собственную исключительность и геополитические игры с нулевым результатом» [5].

Наиболее активно тематика Первой мировой использовалась в рамках двусторонних отношений с Сербией, Францией и Словенией. В целом это соответствует общему вектору российской внешней политики по отношению к ЕС: выстраивать сети двусторонних отношений с отдельными членами. Выбор именно этих стран определяется не столько «пригодностью» тематики Первой мировой, сколько значимостью этих стран для России (Сербия – ключевой партнер на Балканах, Франция и Словения – члены ЕС и НАТО, с которыми установлены достаточно тесные политические и экономические связи). Отметим также, что в 2015 г. в рамках перекрестного года Россия – Греция во Флоринце был открыт памятник в честь русских войск, которые сражались на Салоникском (Македонском) фронте, что также вписывается в общую логику.

В контексте нашего исследования наиболее успешным мы считаем сербский вектор. Это объясняется не только существованием позитивного образа России среди граждан этой страны, но и особенностями восприятия Первой мировой войны в Сербии: она подчинена национально-ориентированному историческому нарративу [22, 154–158]. В 2009 г. по инициативе А. Лисицына совместно с представителями РПЦ в Сербии был поднят вопрос о реконструкции кладбища русских эмигрантов – участников Первой мировой войны. Так появился проект «Русского некрополя». К осени 2012 г. усилиями Фонда Лисицына и ОАО «Газпром» была восстановлена 191 могила. После появления финансирования по линии Министерства культуры России к 100-летней годовщине было отреставрировано около 800 захоронений. В 2015 г. Фондом Лисицына было подписано соглашение о сотрудничестве с Институтом имени Иво Андрича (его возглавляет Э. Кустурица), а также определены еще два объекта реставрации [8]. Одновременно активность проявляло и российское посольство (организация выставок, конференций, возложения венков). Кроме того, в 2011 г. в Белграде была открыта доска в память о русских врачах и сестрах милосердия, служивших тогда в Сербии [18], а в сентябре 2014 г. на территории крепости Калемегдан в Белграде (ключевой туристический объект столицы)

при поддержке Фонда Андрея Первозванного появился памятник русским и сербских воинам, погибшим при обороне города.

Стремление напомнить о роли России выразилось и в том, что в 2014 г. были открыты сразу два мемориальных объекта, посвященных Николаю II. Идеологической основой стал тезис о том, что именно он принял решение о поддержке Сербии в период «июльского кризиса», не оставив союзника один на один с Австро-Венгрией. Бюст Николаю II был установлен в Баня-Луке, Республика Сербская (проект РВИО и Российского института стратегических исследований, близкого к Администрации Президента), а в ноябре состоялось открытие памятника в Белграде напротив президентского дворца (совместные проект РВИО и Фонда исторической перспективы). От России на церемонии присутствовали министр культуры РФ В.Р. Мединский и патриарх Кирилл. Участие в мероприятии патриарха должно было символизировать конфессиональную близость двух народов.

Тема Первой мировой войны также продвигалась и в рамках российско-французских отношений. В данном случае ставка также была сделана на «монументальную пропаганду», причем за основу взяли историю Русского экспедиционного корпуса, а именно двух русских бригад, которые в 1916 г. были направлены на французский театр военных действий. Первый памятник появился еще в 2010 г. в музее Первой мировой г. Реймс (около него вела боевые действия одна из бригад). В следующем году был установлен памятник в Париже, и его открывал сам В.В. Путин. В 2015 г. Российским военно-историческим обществом был открыт памятник в д. Курси (в боях за нее отличилась 1-я русская особая бригада в апреле 1917 г.), а в 2016 г. – в Марселе, в честь 100-летия со дня прибытия 1-й особой бригады. Кроме того, здесь же по линии Российского исторического общества была открыта памятная плита. Ряд торжественных мероприятий прошел как в городах Франции, так и в немецком Торгау [20]. Кроме того, в 2014 г. в память о русских солдатах Первой мировой был открыт памятник на элитном курорте в Каннах.

Третьей страной, в рамках двусторонних отношений с которой была актуализирована тема Первой мировой, стала Словения, что является несколько странным, поскольку русскую императорскую армию с этой территорией связывают только могилы военнопленных, а сама война является маргинальной для национальной памяти Словении [30]. Можно предположить, что «юбилейная активность» изначально была связана с деятельностью российского посольства, которое в 2010-е гг. обратило внимание на располагавшееся здесь захоронение русских военнопленных и построенную ими в 1916–1917 гг. часовню, а толчком для развития стал политический фактор – Словения не только экономический партнер, но и одна из участников пока замороженного «Южного потока» [23]. Сначала на могилах русских солдат проводились траурные церемонии, а фондом «Русский мир» устраивались бесплатные экскурсии словенских школьников в часовню [24]. В 2011 г. возникла идея установки памятника русским и советским солдатам обеих мировых войн, а в 2015 г. участие в возложе-

нии венков на захоронении принимал премьер Д.А. Медведев [7]. Открытие памятника (установкой занималось Российское военно-историческое общество) было приурочено к визиту В.В. Путина в Словению. Весьма интересно, что, хотя в торжественных речах обоих президентов основное внимание уделялось необходимости сотрудничества, непосредственно Первая мировая представлялась несколько по-разному: Б. Пахор говорил больше о страданиях, которые принесла война, в то время как В. Путин упирал на роль России в обеих войнах, представляя ее жертвы частью общих усилий, положенных на алтарь победы [1].

На уровне повседневной дипломатической деятельности формы обращения к теме Первой мировой в 100-летний юбилей не отличались особым многообразием: различного рода тематические собрания (конференции, круглые столы, вечера), выставки и участие в мемориальных акциях на захоронениях. Это были локальные события, смысл которых был продиктован необходимостью, скорее, выполнить «юбилейный план», провести очередное мероприятие, ограниченное по числу участников и медийному отклику. Все это вписывается в логику поддержания связей и установления контактов, привлечения внимания к совместному прошлому. Так, в 2013–2015 гг. научные конференции или круглые столы (помимо рассмотренных выше стран) состоялись в Братиславе, Риге, Сантьяго, Кишиневе, Праге, Ташкенте, Кишиневе, Гронингене, Софии, а тематические вечера – в Шри-Ланке, Израиле и Эквадоре. Посольство во Франции организовало благотворительный концерт для сбора средств на памятник героям войны на Поклонной горе, содействовало в организации ряда выставок [26]. В 2013 г. в Каула-Лумпур (Малайзия) была прочтена публичная лекция о русском крейсере «Жемчуг», который в годы Первой мировой погиб у берегов этой страны [11]. Торжественное возложение венков состоялось на захоронениях русских солдат в Даугавпилсе (Латвия), Клайпеде (Литва), Миловице (Чехия), Южном Тироле (Италия), Инсбруке и г. Пече (Австрия) [13]. В Молдавии при поддержке фонда «Русский мир» была сделана ставка на продвижение темы участия гагаузов в Первой мировой (проведение творческого конкурса и выставки).

Также несколько активизировалась работа, связанная с обустройством захоронений. В частности, дипломатические представительства, в некоторых случаях совместно с представительствами министерства обороны РФ по военно-мемориальной работе, ведут мониторинг их состояния (зачастую под этим понимается составление списка кладбищ). На средства российской стороны были восстановлены памятник и захоронение русских солдат в Оргееве (Молдавия, 2014 г), перезахоронены обнаруженные во время поисковых экспедиций 218 русских солдат на кладбище в Асоте (Латвия), обустроено кладбище русских военнопленных в Дебренце (Венгрия, 2015 г.) [16]. Усилиями, правда, уже представителей русскоязычных немцев было обустроено захоронение во Франкфурте, где были погребены русские военнопленные. В 2016 г. посольство в Чехии также было подключено к решению скандала, возникшего с отреставрированными надгробными плитами на захоронении двух русских военно-

пленных в г. Роуднице-над-Лабем: подрядчик ошибочно выбил на них красную звезду. Вместо нее в конечном итоге был выбит православный крест [15].

Попутно отметим, что в это же время обозначились попытки превратить Калининградскую область в качестве поля для сотрудничества. Основой должны были стать сохранившиеся захоронения этой эпохи, а также тот факт, что именно на этой территории произошло Гумбинненское сражение, итогом которого стало продвижение русских войск в Восточной Пруссии. По мнению ряда историков, это оказало влияние на ход стратегической битвы на Марне: немцы перебросили часть сил с запада на восток, ослабили тем самым давление на французов и англичан, что, в свою очередь, помогло им остановить германский блицкриг. На практике европейцев больше интересовало сотрудничество, связанное с захоронениями. С начала 1990-х гг. Немецкий народный союз по уходу за военными захоронениями стал регулярно вести деятельность по обустройству различных братских могил, затем средства были выделены в рамках проекта ЕС Tasis (правда, значительная часть вернулась обратно, а все ограничилось печатью каталога), а в 2014 г. в рамках российско-польско-германского проекта «Триалог» был организован международный лагерь, участники которого обустроили несколько захоронений [4].

Более сложным стало привлечение внимания к русской победе под Гумбинненом. Особенно активно данную тему продвигал местный общественный деятель, бизнесмен и сотрудник епархии М.В. Черенков. В 2010 и 2012 гг. ему удалось организовать памятные мероприятия на захоронении в пос. Совхозном (крупнейшее на поле Гумбинненского сражения) с участием дипломатических представителей от Франции. Правда, в 2012 г. последние напрямую заявили (автор статьи был одним из участников мероприятия) о нежелании делать акцент на «праздновании победы» и содействовать в организации масштабных акций в 2014 г. В конечном итоге в юбилейный год при поддержке РВИО был организован автопробег (и одновременно блоггер-тур) «Гумбинен на Марне» с посещением памятных мест и проведением перфоменса на площади Трокадеро (Париж). В настоящее время «центром притяжения» может выступить ставший постоянным фестиваль военной реконструкции «Гумбинненский прорыв», который проводится с 2013 г. при финансовой и организационной поддержке федерального Министерства культуры и Российского военно-исторического общества. К сожалению, из-за организационных и финансовых вопросов, а также общего ухудшения отношений со странами ЕС, участниками фестиваля стали немногочисленные группы реконструкторов из Польши и Германии.

Таким образом, Первая мировая война была использована как «культурное дополнение» к внешней политике, и, возможно, именно поэтому Россия не проявляла особой активности для организации общеевропейских мероприятий. Доминирование дискурса подчиненности объясняет и отсутствие серьезных шагов по использованию юбилея в рамках диалога с теми странами, которые были сто лет назад нашими противниками, прежде всего, с Германией, Австрией, Болгарией и Турцией. Здесь уместны были бы идеи примирения и сохране-

ния памяти об общей трагедии, без акцентов на героизме и подвигах, что, в свою очередь, не очень вписывается в формируемую внешнеполитическую идеологию. Конечно, это не отменяет проведение отдельных локальных мероприятий. Достойным внимания, на наш взгляд, является издание в 2014 г. совместно с Австрийским черным крестом книги памяти русских военнопленных, чьи захоронения сохранились на территории республики.

* * *

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что актуализация тематики Первой мировой в контексте культурной составляющей российской внешней политики представляла собой гетерогенный процесс, в основе которого лежало производство символических жестов (ограниченных по времени и месту) и создание «инфраструктуры памяти»: обустройство захоронений и установка памятников. Они были призваны указать на значимость России для Европы, сделав разговор на общую тему поводом для установления или развития контактов. Многочисленность мероприятий заставляет в целом позитивно оценить деятельность отечественной дипломатии на этом направлении.

Вместе с тем идейное насыщение всей этой деятельности было производным от внутрироссийского публичного дискурса, отсюда появляется проблема недопонимания. Если в Сербии доминирует национально-ориентированная историография, и слова о прежних союзнических отношениях воспринимаются позитивно, то в других странах истории о героизме русских войск и вкладе России в победу Антанты вызывают неоднозначное восприятие. Вопрос здесь не столько в изначальной предвзятости к России, сколько в самом восприятии истории войны, которая в современном европейском дискурсе понимается, прежде всего, как трагедия. При этом неясность конечного адресата развитой деятельности (политическая элита? интеллектуальные круги? широкая общественность?) делает затруднительной оценку реальных результатов предпринимаемых усилий по «напоминанию о роли России».

Ставка на монументальную пропаганду соответствует и внутрироссийскому тренду политики памяти, поскольку именно этот механизм считается наиболее эффективным: скульптуры устанавливаются «на века», а их открытие при должной организации может стать медийным событием. Конечно, очень скоро оно исчезает из ленты новостей, а сами памятники встраиваются в локальное (городское) пространство, растворяясь в повседневных практиках. А потому без постоянной актуализации этих памятных мест, привлечения к ним внимания символическое значение может быть утеряно.

В конечном итоге созданная сеть памятных мест представляет собою вторжение в символическое пространство других стран. Однако сами по себе захоронения и памятники не несут собственного смысла, поскольку последний принадлежит дискурсивному измерению и актуализируется только в рамках практик обращения к этим «местам памяти». И если «возрождение памяти о Первой мировой» останется проектом (т. е. деятельностью, ограниченной во

времени), то достигнутый результат окажется утерянным. Избежать этого можно посредством организации постоянных (например, 11 ноября) мероприятий, связанных с имеющимися мемориальными местами, причем их символическое значение должно исходить из учета особенностей символического пространства той или иной страны.

Библиографический список

1. 100-летие русской часовни у перевала Вршич // Президент России. 2016. 30 июля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52621> (дата обращения: 04.09.2016). [100th anniversary of Russian chapel at Vršič pass. *President of Russia*. 2016. 30 July. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/52621> (accessed 04.09.2016)].
2. *Белаяц М.* Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны. М., 2015. [*Belayats M.* Who needs a revision of history? Old and new disputes about the causes of the First World War. Moscow, 2015].
3. В Мельбурне почтили память русских солдат, погибших в Первую мировую войну // Русский мир. 2016. 14 сент. URL: http://www.russkiymir.ru/news/213101/?sphrase_id=442931 (дата обращения: 19.09.2016). [Russian soldiers fallen in the First World War were commemorated in Melbourne. *Russkiy Mir*. 2016. 14 Sept. Available at: http://www.russkiymir.ru/news/213101/?sphrase_id=442931 (accessed 19.09.2016)].
4. Внеси свой вклад в увековечение памяти о героях: лагерь Триалог-2014 // Герои Первой мировой. 2014. 27 июля. URL: <http://hero1914.com/vnesi-svoj-vklad-v-uvekovechenie-pamyati-o-geroayah-lager-trialog-2014/> (дата обращения: 19.09.2016). [Contribute to the perpetuation of the memory of heroes: Trialogue Camp 2014. *The First World War Heroes*. 2014. 27 July. Available at: <http://hero1914.com/vnesi-svoj-vklad-v-uvekovechenie-pamyati-o-geroayah-lager-trialog-2014/> (accessed 19.09.2016)].
5. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2013 г., Москва, 21 января 2014 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/B748284D938D69B144257C67003AC3CB (дата обращения: 06.09.2016). [Report and responses to media questions by Sergey Lavrov, Russian Minister of Foreign Affairs at a press conference on the results of Russian diplomacy in 2013, Moscow, January 21, 2014. *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. Available at: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/B748284D938D69B144257C67003AC3CB (accessed 06.09.2016)].
6. *Гилязов И.А.* Мемориал в Церенсдорфе – памятник Первой мировой войны // Филология и культура. 2012. № 3. С. 217–219. [*Gilyazov I.* Memorial in Zirndorf is a First World War memorial. *Philology and Culture*. 2012. No. 3. P. 217–219].

7. Дмитрий Медведев принял участие в мемориальной церемонии у Русской часовни, посвящённой памяти российских воинов, погибших в годы Первой мировой войны // Посольство Российской Федерации в Республике Словении. 2015. 26 июля. URL: <http://www.rus-slo.mid.ru/doc/26072015.htm> (дата обращения: 04.09.2016). [Dmitry Medvedev took part in the memorial ceremony at the Russian Chapel devoted to the memory of Russian soldiers who died during the First World War. *The Embassy of the Russian Federation to the Republic of Slovenia. 2015 July 26.* Available at: <http://www.rus-slo.mid.ru/doc/26072015.htm> (accessed 04.09.2016)].
8. Итоги деятельности Фонда Анатолия Лисицына за 2015 г. // Сайт Фонда Анатолия Лисицына. URL: http://www.fond.lisitzyn.ru/subdomains/fond/images/otchet/Otchet_2015.pdf (дата обращения: 04.09.2016). [The results of Anatoly Lisitsyn's foundation activities. 2015. *Anatoly Lisitsyn's Foundation Website.* Available at: http://www.fond.lisitzyn.ru/subdomains/fond/images/otchet/Otchet_2015.pdf (accessed 04.09.2016)].
9. *Каширин В.Б.* Взятие горы Маковка: неизвестная победа русских войск весной 1915 г. М.: Регнум, 2010. [*Kashirin V.* Fight for Makovka mountain: unknown Russian victory of March 1915. Moscow, 2010].
10. *Колоницкий Б.И.* «Забытая война»? Политика памяти, российская культура эпохи Первой мировой и культурная память // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? СПб., 2015. С. 318–334. [*Kolonitskiy I.* “Forgotten War”? Memory politics, Russian culture and the era of the First World War cultural memory. *Our past: nostalgic memories or threat to the future?* St. Petersburg, 2015. P. 318–334].
11. Малазийские студенты узнали историю российского крейсера «Жемчуг» // Русский мир. 2013. 22 нояб. URL: http://www.russkiymir.ru/news/55097/?sphrase_id=427693 (дата обращения: 04.09.2016). [Malaysian students learned the history of the Russian cruiser “Pearls”. *Russkiy Mir.* 2013. 22 November Available at: http://www.russkiymir.ru/news/55097/?sphrase_id=427693 (accessed 04.09.2016)].
12. Международный научно-общественный форум «Великая война. Уроки истории» [стенограмма пленарного заседания] // Россия в Великой войне. М.: Издание Государственной думы, 2014. С. 6–78. [International Scientific and Public Forum “The Great War. The lessons of history” [transcript of the plenary session]. *Russia in the Great War.* Moscow, State Duma, 2014. P. 6–78].
13. Мероприятия в Пече, посвящённые столетию начала Первой мировой войны // Русский мир. 2014. 1 июля. URL: http://www.russkiymir.ru/news/144901/?sphrase_id=427693 (дата обращения: 04.09.2016). [Events in Pecs dedicated to the centenary of the First World War. *Russkiy Mir.* 2014. 1 July. Available at: http://www.russkiymir.ru/news/144901/?sphrase_id=427693 (accessed 04.09.2016)].
14. *Миллер А.И.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI в. / под ред. А. Миллера, М. Липман. М.,

2012. С. 7–32. [Miller A. Historical policy in Eastern Europe at the beginning of the 21st century. *Historical policy in the 21st century*. Moscow, 2012. P. 7–32].
15. Об установке отреставрированных надгробий на захоронении российских военнопленных периода Первой мировой войны в г. Роуднице-над-Лабем // Посольство Российской Федерации в Чехии. Официальный сайт. URL: http://www.czech.mid.ru/press-rel/hot_1446.htm (дата обращения: 04.09.2016). [Installation of restored gravestones at the burial of Russian prisoners of the First World War in Roudnice nad Labem. *Russian Embassy in the Czech Republic. Official website*. Available at: http://www.czech.mid.ru/press-rel/hot_1446.htm (accessed 04.09.2016)].
16. Открытие восстановленного кладбища русских военнопленных в г. Дебрецене // Официальный сайт Генерального консульства России в Дебрецене. URL: <http://www.debrecen.mid.ru/doc/14072015.htm> (дата обращения: 04.09.2016). [The opening of the restored Russian prisoners' cemetery of war in Debrentse. *Official site of the Russian Consulate General in Debrentse*. Available at: <http://www.debrecen.mid.ru/doc/14072015.htm> (accessed 04.09.2016)].
17. Памяти русских солдат в Италии // Герои Первой мировой. 2011. 12 дек. URL: <http://hero1914.com/pamyat-russkix-soldat-v-italii/> (дата обращения: 19.09.2016). [To the memory of the Russian soldiers in Italy. *Heroes of the First World War*. 2011. 12 Dec. Available at: <http://hero1914.com/pamyat-russkix-soldat-v-italii/> (accessed 19.09.2016)].
18. Память русских врачей и сестёр милосердия почтили в Белграде // Русский мир. 2011. 24 сент. URL: http://www.russkiymir.ru/news/34201/?sphrase_id=423500 (дата обращения: 19.09.2016). [The memory of Russian doctors and sisters of charity honored in Belgrade. *Russkiy Mir*. 2011. 24 Sept. Available at: http://www.russkiymir.ru/news/34201/?sphrase_id=423500 (accessed 19.09.2016)].
19. Память русских солдат, павших в Первую мировую войну, почтили в Латвии // Русский мир. 2012. 19 сент. URL: http://www.russkiymir.ru/news/43857/?sphrase_id=423500 (дата обращения: 19.09.2016). [The memory of Russian soldiers fallen in the First World War was honored in Latvia. *Russkiy Mir*. 2012. 19 Sept. Available at: http://www.russkiymir.ru/news/43857/?sphrase_id=423500 (accessed 19.09.2016)].
20. Память солдат Русского экспедиционного корпуса Первой мировой войны почтили в Германии // Фонд Русский мир. 2016. 26 мая. URL: http://www.russkiymir.ru/news/207779/?sphrase_id=423283 (дата обращения: 19.09.2016). [The memory of Russian Expeditionary Corps of the First World War was honored in Germany. *Russkiy Mir*. 2016. 26 May. Available at: http://www.russkiymir.ru/news/207779/?sphrase_id=423283 (accessed 19.09.2016)].
21. Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 14–21. [Parshin P. The understandings of “soft power”: prerequisites, correlates and consequences. *MGIMO Review of International Relations*. 2014. No. 2. P. 14–21].

22. Первая мировая война: историографические мифы и историческая память. Кн. 2. Страны Антанты и Четвертного союза / под ред. О.В. Петровской. М.: РИСИ, 2014. [*The First World War: historiographical myths and historical memories. Vol. 2. Entente countries and Quarter Union*. Ed. by O. Petrovskaya. Moscow, 2014].
23. Пивоварченко А. Прагматичная лирика. О визите В. Путина в Словению // Российский совет по международным делам. 2016. 3 авг. URL: http://russiancouncil.ru/blogs/southeasteurope/?id_4=2635 (дата обращения: 04.09.16). [*Pivovarchenko A. Pragmatic lyrics. About the visit of Vladimir Putin to Slovenia. Russian International Affairs Council*. 2016. 3 Aug. Available at: http://russiancouncil.ru/blogs/southeasteurope/?id_4=2635 (accessed 04.09.16)].
24. Русская часовня как символ российско-словенской дружбы // Русский мир. 2013. 8 мая. URL: http://www.russkiymir.ru/news/64379/?sphrase_id=423500 (дата обращения: 04.09.16). [*The Russian chapel as a symbol of the Russian-Slovak friendship. Russkiy Mir*. 2013. 8 May. Available at: http://www.russkiymir.ru/news/64379/?sphrase_id=423500 (accessed 04.09.16)].
25. Совместное интервью с Федеральным канцлером ФРГ Герхардом Шредером газете «Бильд» // Президент России. Официальный сайт. 2005. 7 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22950> (дата обращения: 21.09.2016). [*Joint Interview with Federal Chancellor of Germany Gerhard Schroeder for “Bild” newspaper. The President of Russia. Official website*. 2005. 7 May. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22950> (accessed 21.09.2016)].
26. Сотрудничество в области культуры // Посольство Российской Федерации во Франции. URL: <http://ambassade-de-russie.fr/index.php/ru/rossiya-i-francia/sotrudnichestvo-v-oblasti-kultury> (дата обращения: 04.09.2016). [*Cultural cooperation. Russian Embassy in France*. Available at: <http://ambassade-de-russie.fr/index.php/ru/rossiya-i-francia/sotrudnichestvo-v-oblasti-kultury> (accessed 04.09.2016)].
27. Таланов А.И. Путь реконструктора. М.: Рейтар, 2016. [*Talanov A. The way of a reconstructor*. Moscow, 2016].
28. Ягелло М. По следам «Лодзинской операции» // Герои Первой мировой. 2011. 12 дек. URL: <http://hero1914.com/po-sledam/> (дата обращения: 19.09.2016). [*Jagello M. Following the Lodz operation. The First World War heroes*. 2011. 12 Dec. Available at: <http://hero1914.com/po-sledam/> (accessed 19.09.2016)].
29. Bennett T. Culture and policy – Acting on the social. *International Journal of Cultural Policy*. 1998. Vol. 4. No. 2. P. 271–289.
30. Kranjc G. The Neglected War: The Memory of World War I in Slovenia. *The Journal of Slavic Military Studies*. 2009. No. 2. P. 208–235.
31. Lebow R. Culture and International Relations: The culture of International Relations. *Millennium: Journal of International Studies*. 2009. Vol. 38. No. 1. P. 153–159.

32. *Mark S.* Rethinking cultural diplomacy: The cultural diplomacy of New Zealand, the Canadian Federation and Quebec. *Political Science*. 2010. Vol. 62. No. 1. P. 62–63.
33. *Vlassis A.* Soft power, global governance of cultural industries and rising powers: the case of China. *International Journal of Cultural Policy*. 2015. Vol. 22. No. 4. P. 481–496.

WWI IN THE CONTEXT OF THE CULTURAL DIMENSION OF RUSSIAN FOREIGN POLICY

K. A. Pakhalyuk

Postgraduate Student, Department of Political Theory,
Moscow State Institute of International Relations (University)

The author suggests regarding actualization of WWI in the context of Russian current foreign policy as a set of symbolic gestures and actions aimed at creating a “memory infrastructure” (installation of monuments and arrangement of graves). Thus Russia is trying to secure its own position in the symbolic space of foreign countries. However, the semantic content of the process is primarily determined by Russian internal public discourse (discourse of subordination) and foreign policy priorities.

Keywords: cultural diplomacy; public diplomacy; discourse; World War I (WWI); policy of memory.